

Сказка Человек Журенцах

ФЕДЕТОН

И слова на лицах
членов жюри сыло до-
вольство и умиление.
Порешили они и это
произведение предста-
вить и высшей награде
— второй премии, ибо
первую рисковали
кому не присуждать.

Когда же стрелка
часов приближалась к
шести, в жюри пре-
красная дозволенные
речи.

Такая идиллия продолжалась
много дней. И все было довольно.
Члены жюри не отягощали себя
чтением произведений, которые
обсуждали, а упомянутые выше
мудрецы уже предвкушали прият-
ный звон золотых динаров в своих
карманах.

Но вот однажды приятная жизнь
чуть было не нарушилась. В то
время, когда секретарь Чапай
Джуманов извергал громы и
молнии на голову неизвестного
литератора и одну за другой
читал три резко отрицатель-
ные рецензии на его пьесу «Рас-
крытая тайна», один из сидя-
щих за столом вдруг вспомнил,
что он случайно прочел это произ-
ведение и оно ему даже понрави-
лось, мало того, он готов поста-
вить эту пьесу у себя в театре.
Чуть-чуть смутившись, секретарь
запрятал неудачно состряпанные
рецензии и предложил перевести
эту драму на русский язык, чтобы
все члены жюри оценили ее по до-
стоинству. Рассказывают также,
что потом этой пьесе была даже
присуждена третья премия.

Что же касается остальных про-
изведений, то их никто не читал.
Когда же прозвучала обсуждения и
голосования всем надоела, конкурс
закрыли.

Дошло до нас также, что оста-
лись от конкурса три протокола
на разбор 10 пьес из 58 да какой-
то исцарапанный каракулями ли-
сток секретаря, у которого (я сама
слышала) один очень почтенного
вида человек, из тех, что сидел за
столом, отозвался странным сло-
вом «шпаргалка». Динаров от этой
затеи, непонятно почему названной
«конкурсом», не осталось. Их рас-
пределили между собой достойные
люди. За 14 месяцев, кроме зар-
ботной платы, Турсунов, сумев-
ший обеспечить себе три премии,
получил около 34 тысяч динаров,
то есть рублей. Джуманов —
более 19 тысяч. Байлинов — бо-
лее 14 тысяч.

Хитрецы получали деньги не
только за свои пьесы, но и за пе-
реводы, рецензии, которые писали
своими друзьями. Даже наимостен-
нейшая Тилея Тургумбаева сумела
получить за участие в заседа-
ниях жюри 900 рублей, хотя до-
зволённые речи произносились в
рабочее время, и ей шло возна-
граждение в виде зарплат.

Говорят также, что премьери-
рованные пьесы в театрах остога не
вызывали, а некоторые были реше-
тельно отвергнуты.

— Но, позвольте, это же не кон-
курс, это черт знает что... — не
удержались мы. — Наверно, му-
дрецы уже получили по заслугам?

— О да, — ответила Шахра-
зада, и в голосе ее послышались
печальные нотки. — Самый му-
дрый из отроков Э. Турсунов боль-
ше здесь не работает: его пере-
вели на должность редактора спе-
циального отдела Фрунзенской ки-
ностудии, где он сможет с еще
большим успехом удовлетворить
свою страсть к динарам.

Других изменений пока не по-
следовало.

— Но где же, уважаемая, сча-
стливый конец сказки, торжество
добра над злом?

— О, наивные незнакомцы! Сча-
стливые копыты прыдываются
для детей, — они должны расти
оптимистами. В жизни, как видите,
иногда бывает иначе.

Так пусть поразмыслит о рас-
сказанном те, кому надлежит об
этом подумать.

Беседу с Шахразадой записала
Т. БОГОМАЗОВА.

Однажды вечером в коридоре
Министерства культуры мы столк-
нулись с какой-то странной же-
щиной, уже не молодой, но со сле-
дами на лице красоты замечатель-
ной, в длинном платье цвета зеле-
ни, украшенном жемчугом и дра-
гоценными камнями. Заметив на-
ше удивление, она первая подала
голос:

— Не узнаете меня? Я Шахра-
зада, собирательница чудесных
историй. Тысячу и одну ночь рас-
сказывала я их султану Шахриару
и сумела усадить его жестокое
сердце. К сожалению, предания
старинны глубокой теперь мало ко-
го интересуют, и даже мне прихо-
дится искать более современные
сюжеты.

— Что же ты нашла удивитель-
ного в этом доме?

— Притговайте свои уши и слу-
шайте новую сказку о четырех
мудрецах и двенадцати проста-
ках.

Дошло до нас, о любопытные
чужеземцы, что Министерство
культуры благодатной республи-
ки, утопающей в садах, окружен-
ной горами, на склонах которых
пасутся жирные барашки, объяви-
ло конкурс на лучшие многоакт-
ные пьесы, либретто для опер
и балетов и пьесы для театра кукол.
Известно также, что конкурс был
закрытым, и сочинители, именую-
мые у вас драматургами, присы-
лали свои творения под девизами
«Мечта», «Жизнь», «Арча» и дру-
гими благозвучными названиями.

Дошло до нас также, что меро-
приятия сие возглавляла почтен-
нейшая заместительница министра
культуры Тилея Тургумбаева, ко-
торая после недолгих раздумий
назначила своей правой рукой
мудрого отрока Э. Турсунова. Рас-
сказывают также, что юный сча-
стливец доводится Тургумбаевой
не только другом, но и родствен-
ником, ибо когда он окончил уни-
верситет и жителям этого славно-

го города еще не была известна
его мудрость, ему пришлось в по-
исках работы безуспешно обра-
щаться во многие учреждения. У-
знав об его злключениях, Тургум-
баева сразу же назначила его за-
местителем начальника управле-
ния по делам искусств.

Так вот этому верному челове-
ку и была доверена ответственная
работа секретаря жюри. К нему
поступали рукописи, и он должен
был приводить их в вид приятный
для взора, отдавать для переводов
и печатания на машинке.

А был этот самый Турсунов,
несмотря на молодость и пристра-
стие к некоторым несладким на-
питкам, человеком рассудитель-
ным и наделенным не столько
мудростью, сколько черной хитро-
стью. И задумал он лживую долю
государственного вознаграждения
переложить в собственный карман.
В этом неправедном начинании
юный отрок очень скоро нашел
верных друзей в лице своего по-
кровителя — начальника управле-
ния по делам искусства П. П. Афа-
насьева, друга юности и не невин-
ных забав М. Байлинова (инспек-
тора того же управления) и
К. Бектенова.

И вот, вооружившись каламами
(авторучками), мудрецы принялись
за сочинительство, а чтобы они
вполне преуспели, их могущест-
венная покровительница Тургум-
баева пошла им навстречу и само-
вольно продлила срок конкурса
еще на два месяца.

Скорее сказка сказывается, но и
дело у мудрецов тоже быстро де-
лается. Афанасьев представил
два, Бектенов — три произведения
дожужных измышлений. Но всех их
побил отрок Турсунов: он написал
пьесу. Правда, последнюю не
успел закончить, в ней было напи-
сано немногим более 20 страниц,
но, считая их весьма значитель-
ным вкладом, он тоже отдал эти
листы на конкурс.

Потом приятели принялись пи-
сать на свои пьесы и пьесы друзей
хвалебные рецензии, нямало не
смуцались, что конкурс закрытый
и оценивать рукописи должны
члены жюри. Что же касается то-
реней незнакомых авторов, на-
ивно поверивших в бескорыстность
организаторов конкурса, то ру-
кописи их остались даже неопе-
чатанными.

Дошло до меня также, любо-
пытные чужеземцы, что, когда
дело было сделано, Тургумбаева,
наделенная некоторой властью, но
лишенная необходимой прозорли-
вости, вывела Афанасьева и Тур-
сунова из жюри (к счастью для
них, теперь этот процесс прошел
безболезненно). И стал секретарем
жюри их ближайший друг, инспек-
тор министерства Ч. Джуманов.
Отныне о литературных и прочих
достоинствах пьес должен был су-
дить дирижер хора, ибо Чапай и
был таковым.

Рассказывают также, что
когда началось обсуждение, встал
Ч. Джуманов и зачитал первую
рецензию на труд дорогого ему
Турсунова. И слова его были по-
добны пению соловья в предрас-
светный час. И все, кто сидел за
длинным столом, закивали голова-
ми и соглашались, что эта пьеса
достойна поощрительной премии.

Потом секретарь встал снова и
зачитал очередную рецензию на
пьесу «Когда листья падают». И
слова его были подобны журчанию
горного ручейка, и мысли бежали
так быстро, что даже обгоняли
друг друга.